

Нет автора

**Отчет о тридцать пятом присуждении наград
графа Уварова**

**Приложение к 25 тому Записок Императорской Академии
наук №5**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тридцать пятом присуждении наград графа Уварова: Приложение к 25 тому Записок Имп. Академии наук №5 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 150 с.

ISBN 978-5-458-00268-4

ISBN 978-5-458-00268-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25 сентября 1893 г. Академикомъ Н. Ѳ. Дубровиннымъ.

На нынѣшнее соисканіе наградъ графа Уварова было представлено восемь сочиненій; для ихъ разсмотрѣнія и оцѣнки была назначена Академіею, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, комиссія, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, В. Г. Васильевскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина, Л. Н. Майкова, А. А. Куника и Н. Ѳ. Дубровина.

Ознакомившись съ представленными сочиненіями, комиссія, для ближайшаго разсмотрѣнія cadaго изъ нихъ, избрала рецензентовъ и пригласила ихъ доставить рецензіи къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока комиссія принуждена была два сочиненія отложить до слѣдующаго конкурса, за неполученіемъ отзывовъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ разсмотрѣніе, а затѣмъ, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства прочихъ шести сочиненій, положила присудить одному *большую*, а двумъ сочиненіямъ *малую* Уваровскія преміи.

Увѣнчанное большою наградою сочиненіе принадлежитъ профессору университета Св. Владиміра В. С. Иконникову и напеча-

тано подъ заглавіемъ: *Опытъ русской исторіографіи*, т. I, книги I и II. Кіевъ 1891—1892.

Разсмотрѣніе этого сочиненія принялъ на себя академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

«Въ русской исторической наукѣ, говоритъ онъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ощущается недостатокъ сочиненія, которое представляло бы съ одной стороны обзорѣніе источниковъ, въ теченіе полутора вѣка обнародованныхъ какъ правительственными учрежденіями, такъ и частными лицами, съ опредѣленіемъ ихъ относительнаго значенія и достоинства, а съ другой разсмотрѣніе появившихся многочисленныхъ изслѣдованій по русской исторіи, съ указаніемъ насколько и какъ отечественные ученые воспользовались въ нихъ изданными матеріалами, насколько они своими трудами содѣйствовали уясненію прошлой жизни государства. Однимъ словомъ, не доставало сочиненія, посвященнаго критическому изученію источниковъ и литературы русской исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи».

По составленному авторомъ плану сочиненіе должно раздѣляться на двѣ части: *первая* — обзорѣніе архивовъ и библіотекъ, въ которыхъ хранятся рукописные и печатные матеріалы, и указаніе на труды лицъ, содѣйствовавшихъ собиранію и обнародованію этихъ матеріаловъ, а *вторая* представлять систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторію развитія ея науки.

Сдѣлавъ безпристрастную оцѣнку предшествовавшихъ библиографическихъ трудовъ, имѣвшихъ тотъ общій недостатокъ, что въ нихъ нельзя найти ничего кромѣ заглавія актовъ и статей и указанія, гдѣ они напечатаны, г. Иконниковъ даетъ намъ свой «Опытъ русской исторіографіи» — трудъ, который могъ быть исполненъ только благодаря замѣчательной начитанности, рѣдкому трудолюбію и настойчивости въ достиженіи однажды опредѣленной цѣли.

Первый томъ соч. Иконникова, обнимающій собою болѣе чѣмъ 2200 страницъ, раздѣляется на два отдѣла: первый состоитъ изъ семи главъ, изъ коихъ въ трехъ первыхъ излагается обстоятельная методологія предмета, а въ остальныхъ четырехъ главахъ — исторія собиранія, храненія и обнародованія матеріаловъ по русской исторіи.

Второй отдѣлъ состоитъ изъ девяти главъ и посвященъ исключительно обзору архивовъ, библіотекъ и музеевъ. Обзоръ этотъ составляетъ заслугу г. Иконникова, такъ какъ до него наша

публика, даже ученая, имѣла смутное представленіе о многихъ библіотекахъ и архивахъ.

Прослѣдивъ за сочиненіемъ г. Иконникова и указавъ на нѣкоторые впрочемъ незначительные недостатки, нашъ уважаемый рецензентъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію.

«Изъ представленнаго нами, говоритъ онъ, сжатаго изложенія капитальнаго труда г. Иконникова достаточно видно его значеніе какъ для науки, такъ и для занимающихся отечественною исторіею, у которыхъ она должна сдѣлаться настольною книгою. Встрѣчаются въ трудѣ В. С. Иконникова нѣсколько недосмотровъ и пропусковъ, но они теряются и исчезаютъ въ подавляющей массѣ собранныхъ данныхъ и нисколько не вредятъ достоинствамъ труда. Если можно въ чемъ упрекнуть автора, то только въ одномъ, а именно, что въ главахъ, посвященныхъ изложенію методологіи исторіи, онъ иногда не высказываетъ своего мнѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, а приводитъ массу мнѣній разныхъ ученыхъ, не рѣдко противорѣчивыхъ, и предоставляетъ читателю выбирать изъ нихъ то, которое имъ признается болѣе справедливымъ. Кромѣ того противъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ здѣсь мнѣній можно и спорить.

Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти недостатки нисколько не умаляютъ заслуги В. С. Иконникова передъ русскою историческою наукою.

Въ виду какъ несомнѣнныхъ достоинствъ «Опыта русской исторіографіи», такъ и того обстоятельства, что онъ является единственнымъ въ нашей литературѣ и въ высшей степени необходимымъ, академикъ А. Ѳ. Бычковъ полагаетъ «что со стороны Академіи Наукъ будетъ вполне справедливо, если она увѣнчаетъ автора этого труда, положившаго на него многіе годы усиленныхъ занятій, полною Уваровскою преміею и тѣмъ побудитъ его къ скорѣйшему выпуску въ свѣтъ втораго тома, который долженъ представить систематическій обзоръ источниковъ по русской исторіи и послѣдовательный ходъ ея разработки».

Малыя Уваровскія преміи присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ.

А) А. Карнѣвъ — *Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физиолога*. С.-Петербургъ, 1890.

Разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено академику И. В. Ягичу.

По мнѣнію рецензента, «трудъ г. А. Карнѣева представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей литературѣ, не богатой монографическими изслѣдованіями. Онъ занимается сравнительнымъ изученіемъ одного вопроса средневѣковой христіанской литературы, въ которомъ и русская словесность принимала участіе наравнѣ съ многими другими литературами Востока и Запада. Это такъ называемый *Физиологъ*.

Изслѣдованіе этого вопроса въ полномъ объемѣ принадлежитъ къ самымъ сложнымъ и трудно-исполнимымъ задачамъ. Но удачный выборъ какой либо одной части цѣлаго можетъ увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ и въ то же время оказать большую услугу цѣлому. Такъ и поступили нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи. Одни изучали преимущественно греческіе или латинскіе, другіе восточные, третьи западно-европейскіе тексты его. Такимъ образомъ вопросъ о *Физиологѣ* въ новѣйшее время значительно подвинулся и для многихъ литературъ приобрѣлъ большой научный интересъ.

«Весь этотъ ходъ занятій по вопросу о *Физиологѣ*, говоритъ нашъ почтенный товарищъ, совершался до сихъ поръ почти исключительно на почвѣ иностранныхъ литературъ, участіе наше было крайне ничтожное. Но этими образцами чужой дѣятельности былъ ясно намѣченъ путь, по которому слѣдовало русскому ученому направить свои занятія по тому же вопросу, если и онъ съ своей стороны пожелалъ бы способствовать освѣщенію той или другой еще темной стороны его. Г. Карнѣевъ внялъ этому указанію. Взявшись за изученіе этого предмета, онъ вскорѣ убѣдился въ томъ, что въ русской ученой литературѣ *Физиологъ* давно уже напрашивается на подробное изслѣдованіе въ различныхъ редакціяхъ славянскаго перевода, отчасти издавнаго, но не разобраннаго, отчасти даже и не издавнаго. Какъ послѣдствія показали, обильная жатва ожидала его. Въ похвалу ему мы должны сказать, что онъ не пожалѣлъ труда и большихъ усилій, но зато и сочиненіе его вышло богато результатами».

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ сочиненія академикъ Ягичъ признаетъ то, что г. Карнѣеву удалось отыскать полный русско-славянскій списокъ *Физиолога*, въ той редакціи, которую можно считать древнѣйшею. Счастливою находкою полнаго славянскаго *Физиолога* древнѣйшей редакціи было намѣ-

чено и направленіе изслѣдованія. Найденный списокъ давалъ автору надежду на разрѣшимость вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между различными редакціями Физиолога и задача соч. Карнѣева сосредоточилась на сравнительномъ анализѣ важнѣйшихъ рецензій Физиолога, съ цѣлью точнаго опредѣленія старшаго типа его.

Не соглашаясь съ нѣкоторыми положеніями и выводами автора, рецензентъ указываетъ на недосмотры и пробѣлы, какъ напримѣръ по вопросу объ южно-славянскомъ Физиологѣ. Незнакомство автора съ текстомъ послѣдняго отразилось невыгодно и на ходѣ изслѣдованія во второй части, которая вслѣдствіе того вышла не такъ полна, какъ могла бы быть.

«Во второй главѣ сочиненія г. Карнѣева, говоритъ академикъ И. В. Ягичъ, примыкающей къ анализу Физиолога, какъ непосредственное введеніе въ него, сдѣланы «Перечень и описаніе текстовъ», а потомъ прибавлены и выводы. Все это, въ сравненіи съ очень обширнымъ изложеніемъ исторіи вопроса, поражаетъ неожиданною сжатостію. Мы приступаемъ къ чтенію этихъ страницъ, какъ-то неподготовленные, слѣдимъ внимательно за изложеніемъ автора, но не видимъ подробныхъ доказательствъ, почему все имъ излагаемое непремѣнно должно быть такъ, какъ онъ намъ рассказываетъ. Все это производитъ на насъ впечатлѣніе изложенія догматическаго. Еслибъ авторъ большую часть этого изложенія помѣстилъ ниже, т. е. за анализомъ Физиолога, аргументація его, смѣю думать, вышла бы несравненно удобопонятнѣе и въ то же время убѣдительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно говорить, напримѣръ, о выводахъ раньше анализа, на которомъ построены выводы? Вотъ гдѣ по моему выказался формальный недостатокъ сочиненія русскаго ученаго.

«Книга г. Карнѣева, продолжаетъ рецензентъ, не можетъ похвалиться наглядностью изложенія, она не отдѣлана окончательно, въ ней попадаются въ различныхъ частяхъ оговорки, поправки, дополненія или измѣненія. Замѣчанія самаго важнаго свойства сдѣланы иногда вскользь, какъ бы по случаю и мимоходомъ. Но несмотря на эти недостатки, не затрагивающіе существенныхъ сторонъ вопроса, сочиненіе г. Карнѣева — трудъ весьма почтенный. Оно не должно остаться незамѣченнымъ въ обширной литературѣ о Физиологѣ».

Благодаря труду г. Карнѣева теперь разработанъ и объясненъ какъ нельзя лучше первый такъ называемый *pag excellence* Физиологъ и «нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, говоритъ въ своемъ

заключеніи академикъ Ягичъ, что сочиненіе г. Карнѣева вполне достойно того, чтобы ему была присуждена премія. Я могу предложить это съ самую теплою рекомендаціею».

Б) Н. А. Бѣлозерская, *Василій Трофимовичъ Нарѣжскій. Историко-біографическое изслѣдованіе* (Оттиски изъ Русской Старины, съ обширными рукописными прибавленіями).

Оцѣнка этого сочиненія была поручена комиссіею нашему почтенному товарищу академику К. Н. Бестужеву-Рюмину.

«Изученіе русской литературы XVIII и XIX вѣка, говорятъ онъ, подвигается весьма успѣшно: появляются критическія изданія старыхъ писателей, отдѣльные бібліографическіе и біографическіе этюды о нихъ, есть и общіе курсы. Нельзя конечно считать, чтобы не явилась потребность въ дополненіяхъ, уясненіяхъ того, что сдѣлано, чему въ особенности помогаютъ появленіе новыхъ матеріаловъ и новыя изслѣдованія въ области исторіи. Есть наконецъ такіе вопросы, которые едва затронуты, и то мимоходомъ, исторіей литературы. Такъ мы еще очень мало знаемъ о русскомъ романтизмѣ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, изученіе котораго весьма важно для полнаго и обстоятельнаго пониманія поэзіи Лермонтова. Кто помнитъ впечатлѣнія повѣстей Бестужева, критики и повѣстей Полеваго, драмъ Кукольника, а изъ иностранныхъ романовъ и лирики Гюго, романовъ Бальзака, тотъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что всѣ они подготовили почву для пониманія Лермонтова. Такимъ же малоизвѣстнымъ эпизодомъ представляется исторія русскаго романа во второй половинѣ XVIII вѣка и до тридцатыхъ годовъ XIX в., скорѣе даже до Гоголя. Дѣятельность Нарѣжнаго, представляющая важное явленіе въ первой четверти нашего вѣка, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Кромѣ мимоходныхъ замѣтокъ объ ея значеніи, мы ничего не имѣемъ; изъ произведеній Нарѣжнаго читается только «Бурсакъ»; о біографіи его имѣются у насъ только краткія свѣдѣнія. Этотъ недостатокъ восполняется трудомъ Н. А. Бѣлозерской, который сначала появился въ Русской Старинѣ, а теперь лежитъ передъ нами въ дополненномъ и исправленномъ видѣ съ помощью рукописныхъ замѣтокъ».

Трудъ Н. А. Бѣлозерской — плодъ обширной начитанности и результатъ неутомимыхъ розысканій; большая часть его содержа-

нiя составляетъ новое явленiе въ исторiи русской литературы и важный вкладъ въ исторiю общественности. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованiе съ краткаго обзора состоянiя литературы и критики при появленiи первыхъ произведенiй Нарѣжнаго, указываетъ на то, что Нарѣжный не находился въ сношенiи съ тогдашними литературными кружками и почти не участвовалъ въ журналахъ той эпохи. По мнѣнiю рецензента замѣчанiя эти лучше было бы помѣстить въ биографiи Нарѣжнаго.

Слѣдя въ частности за разбираемымъ сочиненiемъ, нашъ уважаемый сочленъ останавливается на нѣкоторыхъ неточностяхъ въ сближенiяхъ, выводахъ и отчасти въ хронологiи. Такъ, на примѣръ, по поводу исторической повѣсти «Ксенiя — княгиня Галицкая», вышедшей въ 1808 году, Н. А. Бѣлозерская замѣчаетъ, что сочинитель выписываетъ цѣлыя страницы изъ Исторiи Государства Россiйскаго, чего, разумѣется, не могло быть, такъ какъ исторiя Карамзина появилась въ 1818 г. Извѣстный романъ Измайлова «Евгенiй» отнесенъ авторомъ къ нравоучительно-сатирическимъ, тогда какъ его слѣдовало бы отнести къ реалистическимъ.

Важное достоинство труда Н. А. Бѣлозерской состоитъ въ томъ, что она постоянно указываетъ насколько въ произведенiяхъ Нарѣжнаго отразились тѣ или другiя черты предшествующей повѣствовательной литературы. Биографiя Нарѣжнаго до сихъ поръ была мало извѣстна и Н. А. Бѣлозерская собрала о немъ все, что могла: ей удалось получить нѣсколько официальныхъ актовъ, доставленныхъ невѣсткою автора «Бурсака»; тщательное же изученiе его сочиненiй, при знанiи современныхъ ему обстоятельствъ, помогли ей составить нѣсколько въ высшей степени вѣроятныхъ предположенiй.

Такимъ образомъ, передъ нами является опредѣленное живое лицо, а подробный анализъ его произведенiй воспроизводитъ его нравственную физиономiю.

Книга Н. А. Бѣлозерской заканчивается краткою, но вѣрною характеристикою литературнаго значенiя Нарѣжнаго. Книгу сопровождаютъ многочисленныя примѣчанiя, официальные акты, касающiеся жизни Нарѣжнаго, и хронологическiй списокъ его сочиненiй.

«Слѣдя шагъ за шагомъ за изложенiемъ Н. А. Бѣлозерской, говоритъ академикъ Бестужевъ-Рюминъ, мы приходимъ къ убѣжденiю, что ею употреблено много труда: просмотрѣно все, что только нужно было просмотрѣть, отчего трудъ ея вполне воз-

награжденъ, такъ какъ ей удалось освѣтить ярче, чѣмъ было прежде, значеніе литературной дѣятельности Нарѣжнаго въ связи съ его біографіей. Если общій характеръ литературы той эпохи и того общества остается еще не вполне выясненнымъ, то это задача новыхъ тружениковъ. Нашъ авторъ нашелъ только указанія, конечно очень плодотворныя, но самъ принужденъ былъ дѣлать обширныя розысканія. Вотъ почему считаемъ вполне справедливымъ ходатайствовать о присужденіи Н. А. Бѣлозерской второй Уваровской награды».

При общей оцѣнкѣ сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій графа Уварова, комиссія признала заслуживающими наградъ сочиненія Александра Филиппова, И. И. Шимко и К. И. Арабажина, но за раздачею всѣхъ имѣвшихся въ ея распоряженіи наградъ, комиссія, на основаніи п. I, § 16 правилъ объ Уваровскихъ наградахъ, признала справедливымъ присудить имъ *почетные отъемы*.

1. Александръ Филипповъ — *О наказаніи по законодательству Петра Великаго въ связи съ реформою*. Москва, 1891.

Для оцѣнки этого труда Академія обращалась къ просвѣщенному содѣйствію профессора С.-Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскаго.

«Исторія русскаго уголовного права до-петровской эпохи, говоритъ рецензентъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, имѣетъ свою литературу. Рядъ монографій, весьма содержательные отдѣлы въ курсахъ и учебникахъ даютъ ясныя и законченныя картины по основнымъ вопросамъ преступленія и наказанія. На оборотъ, эпоха Петра Великаго и весь XVIII вѣкъ остаются понынѣ неразработанными ни въ монографіяхъ, ни въ систематическихъ курсахъ. А между тѣмъ какой громадный интересъ, какое богатое содержаніе заключается въ развитіи уголовного права этого періода! Въдѣ въ этотъ періодъ совершился переходъ отъ законченныхъ типичныхъ началъ и возрѣній XVII вѣка къ тому, чѣмъ мы живемъ теперь и вѣроятно долго еще будемъ жить; притомъ переходъ въ высшей степени осложненный и крупными измѣненіями въ условіяхъ государственнаго и соціальнаго быта, и величайшимъ разнообразіемъ происходящихъ, такъ сказать, случайныхъ воздѣйствій и вліяній. На столько-то мы знаемъ XVIII вѣкъ, чтобы опредѣлить

его общее значеніе въ исторіи уголовного права, какъ переходной эпохи; но въ чемъ именно заключается этотъ періодъ, какъ совершалась замѣна однихъ представленій другими, какъ возникали институты новые, которыхъ не знала старая Русь, и какъ исчезали многіе старыя, — этого мы не знаемъ.

«При такомъ положеніи дѣла, изслѣдованіе профессора А. Н. Филиппова представляетъ собою во-первыхъ, лучъ свѣта въ темной области нашего знанія, а во-вторыхъ — работу большой трудности. Автору пришлось начинать новое дѣло и идти путемъ разработки сырого матеріала, котораго или вовсе не касалась, или очень мало касалась предыдущая литература. И мы должны признать, что громадный матеріалъ исчерпанъ имъ въ полнотѣ и совершенствѣ. Правда, авторъ ограничивается лишь печатнымъ матеріаломъ; но этотъ печатный матеріалъ для Петровской эпохи громаденъ и всеобъемлющъ».

Профессоръ Сергѣевскій замѣчаетъ, что трудъ г. Филиппова есть какъ бы начало систематической исторіи уголовного права XVIII вѣка. Такая тема для отдѣльной монографіи едва-ли могла бы быть названа удачной, такъ какъ она представляется исключительно внѣшнимъ моментомъ — періодомъ Петра Великаго — не совпадающимъ вовсе съ какимъ либо опредѣленнымъ типичнымъ состояніемъ карательныхъ институтовъ. Этотъ періодъ не есть ни начало новаго, ни окончаніе стараго; на оборотъ, въ этомъ періодѣ находится всего по немногу — и стараго и новаго, и существеннаго и случайнаго, но больше всего стараго.

«Самому автору, говоритъ рецензентъ, пришлось разбить свое изслѣдованіе на два совершенно отдѣльныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованія: наказаніе по указамъ и наказаніе по воинскому артикулу. Но если бы принять въ руководство не внѣшній признакъ, а внутреннее содержаніе институтовъ, то періодъ Петра Великаго можно было бы разбить на три и на четыре части. Въ томъ-то и дѣло, что для выясненія уголовно-карательныхъ институтовъ царствованіе Петра, взятое въ цѣломъ, отдѣльно отъ предшествующей и послѣдующей эпохи, не представляетъ собою ничего законченнаго и ничего цѣлаго. Какъ тема для самостоятельной монографіи такой предметъ мало годится; но для работы, полагающей въ литературѣ начало историческому изслѣдованію всего XVIII вѣка, такая програма должна быть признана вполне плодотворною. Интересно замѣтить, что всѣ черты наказанія, которыя авторъ признаетъ наиболѣе характеристическими для петровскаго законода-

тельства, принадлежатъ предъидущей эпохѣ, развиты и установлены до Петра и уже въ XVII вѣкѣ сложились въ законченныя устойчивыя картины».

Не признавая въ уголовномъ правѣ эпохи Петра Великаго ничего дѣльнаго и законченнаго, профессоръ Сергѣевскій съ этой точки зрѣнія смотритъ на трудъ г. Филиппова и во многомъ съ нимъ не соглашается. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что весь общій очеркъ, вся первая часть книги не имѣетъ никакой внутренней связи съ изслѣдованіемъ о наказаніи и книга съ большимъ удобствомъ читается со второй части, чѣмъ съ первой. Такимъ образомъ общій очеркъ является какъ бы особымъ сочиненіемъ, приложеннымъ къ книгѣ и не имѣющимъ съ нею связи. Указать затѣмъ на нѣкоторыя противорѣчія, встрѣчающіяся въ изслѣдованіи, на ошибочность взглядовъ автора и неправильное освѣщеніе имъ нѣкоторыхъ фактовъ, на поклоненіе авторитетамъ, ни на чемъ не основанное и ничѣмъ не вызываемое, и наконецъ, на осторожность автора въ отношеніи выводовъ и обобщеній, профессоръ Сергѣевскій приходитъ къ слѣдующему общему выводу:

1) «Книга профессора Филиппова заключаетъ въ себѣ богатѣйшій историко-законодательный матеріалъ, прекрасно систематизированный, собранный въ полнотѣ и сгруппированный въ такомъ порядкѣ, что передъ читателемъ ясно и подробно рисуются законченныя картины наказаній въ періодъ царствованія Петра Великаго. Этого одного уже достаточно для признанія сочиненія достойнымъ искомой награды.

2) «Что касается до болѣе широкихъ выводовъ и обобщеній, то здѣсь авторъ оказывается менѣе самостоятельнымъ, воздерживается отъ нихъ или даетъ формулы уклончивыя.

3) «Существеннымъ недостаткомъ книги является стремленіе автора изобразить періодъ царствованія Петра Великаго въ качествѣ отдѣльной эпохи въ исторіи наказанія, съ индивидуальнотипичными чертами. Результатомъ такого стремленія явилось неправильное освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ предмета и нѣсколько противорѣчій въ книгѣ.

4) «Прочіе недостатки не могутъ и не должны имѣть вліянія на общую оцѣнку труда».